

Михаил
Александров

Иди...

Михаил Александров

Иди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39411035

ISBN 9785449377234

Аннотация

Мальчишка, выросший в деревне и никогда не видевший города, попадает в Ленинград. К тому же у него появляется старший брат. Всё ново, непонятно, иногда интересно, но в то же время непривычно. О ленинградской жизни двух братьев в 60-х годах прошлого столетия рассказывается в этой повести.

Содержание

Книга 2. Ленинградец

5

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Иди

Михаил Александров

© Михаил Александров, 2018

ISBN 978-5-4493-7723-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 2. Ленинградец

Повесть

1.

Перемены в Мишкиной жизни начались, когда пошёл ему восьмой год от роду, и оказалось, что всё что он знал и умел до этого, это мало и надо учиться в школе. Зачем учиться, Мишка понимал не совсем, так как казалось знаний и умений у него и так достаточно, читать-писать умеет, считает до ста хорошо. Но раз надо, значит надо, до поры сильно его это не озадачивало.

У взрослых же, в первую очередь мамки с папкой, проблем, конечно, было куда больше. Первая и главная из них, где Мишку вообще учить. Школы в ближайшей округе уже не было, возить его одного за двенадцать километров было практически не возможно. Ближайшая школа, да и то начальная, в соседней деревне, куда надо идти три километра, через лес.

Решение было принято совершенно без Мишкиного участия, единственно на тот момент верное и правильное, надо школьника отправлять в Ленинград, к бабушке Кире.

Ленинградскую бабушку Мишка знал, вернее – видел, она

как-то приезжала в деревню в гости, прошлым летом. Родственницу он в ней тогда не признал, хотя бабушка и привезла много всяких вкусностей и одежды, уважения Мишкиного не заслужила. Странная какая-то была бабушка, совсем не похожа на всех деревенских. И одета была не так, и разговаривала не так, а главное совсем ничего не умела делать. Не знала, как сгребать сено, как достать воду из колодца с журавлём, как истопить баню. И что совсем уж было смешно, она боялась коров, да и овец с козами тоже. Когда по деревне гнали стадо, всегда пряталась в дом. В общем, в Мишкином понимании человеком бабушка Кира была совершенно никчёмным и ни к чему не приспособленным.

Но случилось всё вообще, по другому, или немного по другому, как бы то не было такого разворота событий не предполагалось и не просчитывалось. И как Мишка понял, неожиданностью это стало не только для него, но и для мамки с папкой, и для бабушки Киры.

Началось всё с того, что однажды в доме появились совершенно Мишке не знакомые люди. Вернее об их существовании он знал, ему рассказывали, что у Мишки есть ещё одна мать и старший брат. Он даже их представлял, мать такая же как мамка, маленькая и всё время что-то делающая, а брат, раз старший, большой и сильный. Как Толька Бодров, который уехал учиться на моряка, или как Вовка Рудов, что поступил в милицию.

То, что оказалось на самом деле повергло Мишку в уныние и расстройство. Та, которая мать, оказалась худой, высокой тёткой. А главное она курила. Что бы тётки курили, такого он представить себе не мог, и подходить к ней близко категорически отказался.

Брат разочаровал ещё больше, мало того, что он был такой же как Мишка по росту, так ещё и конопатый. Щёки у него были толстые, от чего лицо казалось круглым. На щеках и носу веснушки, как нарисованные карандашом точки. А одет был брат, в какой-то непонятный серый пиджачок и такие же серые короткие штаны, зато чистенький и важный. Несмотря на толстые щёки, выглядел худеньким и как будто даже меньше Мишки ростом, но смотрел с превосходством и задиристо. Первым родственным желанием к новому брату было: «Надо извалить в грязи на дороге». Но пока Мишка это отложил, «Посмотрим ещё, что за брат».

С курящей тёткой, которая, не понятно почему, была Мишке мать, и с конопатым братом, приехал мужик, в костюме и очках, со странным именем – Олег, в деревне имени такого не было. Но на него почти никто не обращал внимания. Разговаривал мужик мало, или вообще не разговаривал, и был каким-то не заметным.

А потом, Мишка несколько раз слышал, как мамка с папкой о чём-то громко разговаривали или даже ругались с матерью. Наверное, поэтому гости, мать с Олегом, долго не задержались, и через несколько дней собрались и уехали. В от-

личии от других гостей, которые бывали, провожать их никто не поехал, не было как обычно сборов-проводов, лошадь, что бы увезти на полустанок никто не запрягал, они просто ушли. А брат остался.

Женька, как звали брата, оказался не таким уж и плохим, как показался сначала. Он много знал, закончил уже первый класс, рассказывал интересные истории про то, где они жили раньше. А жили они в Карелии, там было много озёр и ламбушек, это тоже озеро, говорил Женька, только старое. Там в Карелии он всегда ловил рыбу на удочку и кормил семью, потому, что Олег с матерью никак не могли найти хорошую работу, а если и зарабатывали денег, то покупали водку. Но вообще, Женька их хвалил, особенно Олега, говорил, что он добрый и тайком от матери покупал Женьке конфет, делал с ним уроки, а зимой, когда было холодно, приносил дрова.

Многое, из того о чём рассказывал брат, Мишке было не понятно. Например, зачем где-то надо добывать дрова, если они всегда есть, а если уж и нет, надо идти в лес и нарубить. Так же было не понятно, как могут дома быть такими большими, что в них можно поселить целую деревню. Тогда Женька такие дома рисовал, и получалось, что они стоят один на одном, называется это этажами и квартирами. Но вот где в таких домах держать скотину, особенно коров, Мишке было не понятно всё равно. Женька над ним смеялся, что младшему, конечно, не нравилось.

Так же, Мишке не нравилось, что старший брат наотрез отказывался что-то делать по хозяйству. Например, убирать сено, загонять во двор скотину, когда дома ещё никого нет, а стадо уже пригнало. И ещё хуже, что оправдывался он тем, что человеком является городским, а не каким-то колхозником, как Мишка. Получалось, что он важнее и извальять его в грязи на дороге желание всё-таки иногда у Мишки появлялось.

Лето тем временем подошло к концу, настала грибная пора, Мишка с братом каждый день ходили в лес. Грибником, как и рыбаком, Женька оказался хорошим, в грибах разбирался, лес любил. Вот только к месту и не к месту хвастался своей Карелией, что и грибов там больше, леса лучше и красивее, чем здесь, да и сами грибы лучше. С его слов выходило, что там он собирал одни белые, ну на крайний случай маслята, которых в наших лесах не водилось совсем. Мишке было обидно такое слушать, так как лучших мест и тем более лесов он себе не представлял. Но Мишка уже свикся, что это его старший брат, а значит, ссорится и драться с ним не следует. Мамка с папкой постоянно об этом говорили, учили всегда держаться друг за друга, так как надеяться им почему-то больше не на кого и надо быть дружными.

Потом, в августе, приехала ленинградская бабушка Кира. Выглядела на этот раз она расстроенной и как Мишка понял

брать двоих внуков в её планы не входило. Бабушка говорила, что ей это будет непосильно, пенсия у неё не большая, да и квартира тоже. Что на двоих детей много расходов, нужно покупать всю одежду, да и прокормиться будет трудно. Мамка с папкой обещали помогать, забирать братьев на все каникулы и давать денег сколько могут.

Разговоров на эту тему у взрослых было много, и Мишка с Женькой, волей не волей, кое-что слушали. Часто приходили родственники и просто соседи, все ахали и охали и почему-то детей жалели. Иногда разговор заканчивался тем, что мамка начинала плакать, бабушка Кира тоже, а папка уходил, хлопнув дверью.

Потом всё повторялось по новой. Говорили, что Люська, наша мать, непутёвая, такой же непутёвый бабушкин сын, что такая всем досталась доля, и разлучать братьев нельзя, раз так случилось, да и девать их больше некуда. Отправить в Ленинград в итоге, было решено обоих. Проводы назначили через неделю, что бы в городе успеть устроить детей в школу и купить всё необходимое. Папка поедет в Ленинград, поможет отвезти вещи и продукты.

Поезд на Ленинград отправлялся ночью, до станции было не далеко, но выехать надо засветло, дорога лесом и проехать по ней в темноте трудно. До станции повезёт дедушка Михайло Кулик и мамка, посадят на поезд и вернуться.

Лошадь запрягли рано, привязали, положив травы, во дво-

ре. На телегу наложили сена, покрыли одеялом. Мишка с Женькой сустились, им было весело и интересно, складывали на телегу вещи, которых собралось много. Перед их отъездом папка зарезал барана и насолил кадушку мяса, которую увязали и приготовили к отправке. Погрузили большой узел картошки и такой же всяких других овощей. Корзинка яиц была приготовлена и стояла на крыльце, её надо взять на руки, что бы яйца не побить. Вторая корзинка, с банками варенья, мёда, пересыпанных сушёными яблоками поставлена в середину телеги. Эмалированное ведро творога дедушка Михайло пристроил спереди, к нему привязал второе ведро, с солёными грибами. Ещё была кожаная сумка с ощипантыми курицами, узел с луком и чесноком, сушёные грибы и ягоды, корзина с едой. Наконец всё уложено и увязано, все готовы отправиться в путь.

Проводить отъезжающих, собралась вся деревня, некоторые несли баночки, кто мёд, кто варенье, кто мешочек с сушёными травами. Всё распихивалось по уже увязанным узлам-корзинам. Детей усадили на телегу, дедушка взял вожжи, как вдруг, папкина сестра тётка Вера запричитала и заплакала. За ней заплакали другие. Тут Мишкино хорошее, хотя и волнительное настроение, в миг исчезло и он тоже громко завыл. Ему вдруг показалось, что происходит что-то страшное, что он уезжает навсегда и больше никого никогда не увидит, что его деревня, в которой прошла вся жизнь, исчезнет и её больше не будет. Мишка рванул с телеги, но его

схватили, усадили на место, мамка крепко прижала к себе и тоже плача крикнула на дедушку:

– Ну, трогай папка, трогай уже.

Мишка отправился в новую, совершенно неизвестную жизнь.

2.

Удивительная штука поезд. Вагон – это вообще, огромный дом, битком набитый людьми, который едет. Едет и стучит, дёргает и качает, просто здорово. По вагону всё время ходят люди, пытаюсь найти место, или хотя бы, куда-то пристроить свои вещи. Людей много, места на всех не хватает, некоторые забираются на верхние полки, похожие на полати, в доме у Куликовых, и там лежат, поглядывая на тех, кто места себе не нашёл, или просто спят. Над полками есть ещё полки, там стоят вещи людей, или тоже кто то забрался и спит.

Несмотря на то, что давно уже была ночь, спать Мишке совершенно не хотелось. Да и как тут уснёшь. Вокруг столько интересного, столько людей, движение в вагоне не меньше, чем в большом муравейнике, только там бегают маленькие муравьи, а тут люди.

Да и посадка в вагон, была такой интересной и весёлой, что ко сну совершенно не располагала. После такой посадки, когда толпа народа гналась за вагоном, с узлами, чемода-

нами, котомками и мешками, а потом все лезли в вагон, пихая вещи через головы, толкая друг друга. Всем было страшно, что поезд уедет, а они не успеют забраться, или закидать вещи. Стоянка поезда всего две минуты. Почему-то, хотя в поезде было много вагонов, билеты всем продавали только в один.

Папка на поезде, в отличии от Мишки, ездил много раз, и знал что нужно делать. Он ещё на ходу уцепился за поручни, а потом принимал многочисленные вещи, котомки, мешки и корзины складывая позади себя в тамбуре вагона. Затем запихнули Мишку с братом Женькой и заволокли бабушку Киру. Папка сразу сунул детям в руки что-то из вещей, и подталкиваемые бабушкой они рванули в вагон. Увидев свободное сиденье, бабушка Кира тут же усадила внуков, разложила пожитки по всей длине сидения, и загородив полным телом вход в купе стала подгонять всех проходивших по вагону:

– Проходите, проходите, здесь всё занято, – и кричала папке, который остался в тамбуре, – Яков, неси вещи, я места заняла!

Вагон моментально заполнился, те, кто не успели пока занять места стояли вместе со своими мешками и котомками в проходе, кто-то пробивался уже назад, перелезая через людей и багаж, полная суматоха.

Папка притащил мешок картошки и вернулся за другими вещами в тамбур, поезд дёрнулся несколько раз и поехал.

В купе, которое заняли бабушка Кира с внуками, заметив, что их всего трое, пытались пробраться другие пассажиры, но бабушка стойко держала оборону:

– У нас всё занято, ещё не все подошли, – объясняла она желающим подселиться и стояла, расставив руки, перегораживая вход.

– Яков, Яков, где вы там с вещами, несите всё сюда! – Кричала она папке, так, как будто он там не один.

Наконец все вещи были принесены и распиханы, что на верхние полки, что вниз, под нижние. Мишку с братом тоже загрузили на полки, взрослые сели внизу. Свободные места тут же были заняты другими пассажирами, и суматоха постепенно улеглась.

Братья быстро освоились, начали даже баловаться, перелезая с полки на полку, но на них прикрикнули и они утихомирились. Затем детям под головы дали что-то из вещей и велели спать. Разместили их на одной полке, головами в разные стороны, сначала каждому хотелось к окну, но так как всё равно было темно и ничего не видно, Мишка согласился расположиться головой к проходу, откуда было отлично видно весь вагон в обе стороны. Поглазев немного на едущий народ и потолкавшись ногами с братом, ночь всё-таки взяла своё и через некоторое время он уснул.

Проснулся Мишка, когда уже совсем рассвело. В вагоне

было тихо и душно, внизу положив голову на стол, спала бабушка Кира, рядом с ней, сидя и закинув назад головы с открытыми ртами, спали два молодых парня. Мишка выглянул в проход, в соседнем купе играли в карты и негромко разговаривали. Потолкал ногой брата, тот тоже толкнул в ответ, но не проснулся. За окном мелькали деревья и столбы, но видно было плохо, окно какое то мутное.

Соседняя полка была пустая, но перелезть туда Мишка не стал, вдруг заругают, спустился вниз и от нечего делать пошёл по вагону, рассматривая пассажиров, которые в основном ещё не проснулись. Когда дошёл почти до конца увидел папку, он заходил в вагон из тамбура:

– В туалет хочешь?

– Хочу, а куда?

– Пойдём, покажу.

Туалет в поезде был смешной, с большим горшком и с умывальником, Мишка такого никогда не видел. Умывальник, правда, почти как в деревне, надо надавить снизу, тогда польётся вода, но торчал кран прямо из стены. Умыться у Мишки получилось, утеревшись подолом рубашки отправился в след за папкой к своему купе. Сесть было некуда, они пристроились на краешки сидений у соседей-картёжников.

– А Ленинград не проедем? – Забеспокоился Мишка.

– Нет, не проедем, там конечная, и все выходят, дальше не увезут. – Засмеялся папка.

Что такое конечная, было не понятно, но раз дальше не повезут беспокоиться нечего.

Потом проснулись бабушка с Женькой, парни забрались на верхние полки, спать дальше, и целое нижнее сиденье оказалось свободным. Мишка с Женькой поспорили за место у окна и чуть не подрались, в итоге было решено, что сидеть у окна они будут по очереди.

Поели варёных яиц с хлебом и огурцами, запили молоком из бутылки и дети стали смотреть на мелькающие столбы, проплывающие поля, деревни и отдельные станционные домики. К обеду въехали в город, Мишка снова забеспокоился, как бы не проехать Ленинград, но ему объяснили, что это станция со смешным названием Мга, на которой поезд будет стоять долго, так как тут меняют паровоз на тепловоз. Поезд несколько раз дёргался, но никуда не ехал.

Наконец поехали дальше. За окном становилось всё интереснее, чаще и чаще появлялись дома большие, в несколько этажей. Мишка смотрел на такое чудо во все глаза и каждый раз, когда видел большой дом, спрашивал:

– Это уже Ленинград?

Но ему говорили, что это ещё не Ленинград, называли какие-то непонятные названия, которых он всё равно не знал.

А вот уже и Ленинград, поезд медленно ползёт между другими поездами, товарными и пассажирскими, вокруг какие-то серые непонятные строения, похожие на огромные

сарай. Мишка ничего не понимает, а где же красивые дома, о которых ему рассказывали, неужели весь Ленинград состоит из этих страшных сараев и рельсов? Пассажиры начали доставать свои котомки и выстраиваться в проходе. Папка, с бабушкой Кирой тоже вытаскивают, снимают с полок свои вещи, ставят всё на сидения, все готовятся к выходу.

Остановились. Народ медленно двинулся по проходу. Бабушка Кира взяла Женьку за руку и ушла вперёд, занимать очередь на такси. Мишка с папкой выходят, папка оставляет Мишку на перроне, а сам возвращается в вагон за остальными пожитками. Вокруг бегут и идут множество людей, с мешками, чемоданами, узлами и коробками, Мишка смотрит на них и никого не узнаёт, ни одного знакомого лица, становится страшно, хочется заплакать, он садится на корточки и прижимается к своему мешку с картошкой.

Наконец-то папка вынес все вещи, узлы и корзинки, составил всё на землю и они стали ждать бабушку. Народ пробежал, осталось совсем немного, кто никуда не спешил, или так же кого-то ждал. Бабушка пришла с носильщиком, который вёз большую тележку, на неё папка и загрузили всё имущество. Носильщик предложил и Мишке забраться на тележку, но он отказался:

– Что я маленький, сам пойду.

Бабушка Кира поторапливала:

– Давайте быстрее, Женька там один в очереди, как бы не испугался, я попросила за ним присмотреть, но давайте

по быстрее.

Носильщик пошёл так быстро, крича то и дело на ходу: «Поберегись!», что приехавшим пришлось почти бежать, Мишке снова стало страшно, и он вцепился в папкин рукав. На улице, куда они вышли с вокзала, опять было народу видимо – не видимо. Подошли к очереди на такси, нашли Женьку, тот стоял совершенно спокойно и совсем не боялся.

Мишка крутил головой, но рассмотреть всё равно не успевал ничего. Подъезжали и отъезжали красивые машины, дальше по улице несколько раз прозвенел и проехал трамвай, автобусы, троллейбусы, сколько же всего много, и везде люди. Дома, в деревне у Мишки была книжка «Азбука», по которой он научился читать, там все эти трамваи – троллейбусы, конечно, нарисованы, но что их так много, представить он себе не мог. Папкин рукав на всякий случай он всё же не отпускал, так и продвигаясь вместе с ним по очереди.

Таксист, усатый дядька в фуражке, распахнул двери и приказал всем забираться, а сам начал укладывать в багажник, сзади машины, многочисленные вещи. Бабушка уселась вперёд, дети с папкой сзади, машина была шикарная, мягкий диван и большие стёкла, через которые всё видно. Захлопнули двери и машина понеслась.

– Лиговка, – говорила бабушка, – мы здесь жили до тридцать второго, потом переехали на Литейный, а после войны на Стачек.

Таксист кивает головой, а Мишка во все глаза разглядыва-

вал Ленинград. Красивых домов, как он их себе представлял, так и не увидел, всё какое-то серое и огромное, что же тут красивого? А где тут гулять, не понятно. Не леса, не пруда за всю дорогу не встретилось. Почему-то стало снова грустно, и уже который раз с отъезда из деревни, захотелось плакать. Грустные мысли накатили волной, Мишка уткнулся папке в бок и заскулил:

– Папка, поехали домой, я не хочу здесь жить.

– А ты немножко поживи, походи в школу и если не понравится, я потом тебя заберу, будешь со мной коров пасти. – Папка погладил Мишку по голове.

– А долго мне тут жить, в этом Ленинграде, когда ты меня заберёшь?

На его вопрос никто не ответил, а бабушка, повернувшись, сказала:

– Надо учиться, ты привыкнешь, здесь хорошо, в выходные мы будем ходить в театры и кино, я свожу вас в зоопарк и планетарий, ты привыкнешь.

Так второй раз за свою жизнь Мишка стал ленинградцем.

3.

Бабушкина квартира находилась на пятом этаже, пятиэтажного дома, на самой окраине Ленинграда. Перед её домом был ещё один, девятиэтажный, а дальше только железная дорога и поле. Это Мишку немного успокоило, возмож-

но здесь и правда не так плохо, как показалось в начале.

Сама квартира тоже показалась хорошей, состояла из большой комнаты, перегороденной шкафом, за которым стояла бабушкина кровать, в комнате был диван, сервант и полнейшее чудо – телевизор. Про телевизор Мишка много слышал и представлял как кино, белый экран – простынь, стулья со зрителями. На самом деле это оказался обычный ящик, но со стеклом. Ещё в квартире были кухня и туалет с ванной. Ванна – это как большой таз, в котором Мишку мыли в детстве, только не круглый, а длинный.

В кухне, кроме стола и стульев находилось ещё одно чудо – холодильник. В нём хранили еду, не смотря на лето, внутри холодильника было холодно и даже настоящий снег.

До вечера приехавшие разбирали вещи и привезённые продукты, которые бабушка убирала, что в кладовку, что в холодильник, что в сервант. Мишка с братом путались под ногами, пытаясь тоже делать что-то полезное, но применения им не находилось. Бабушка достала большие тетради, карандаши и усадила детей за стол рисовать. Потом они все вместе пошли в магазин

Магазин сразил Мишку наповал. Что здесь только не было. Хлеба и булок столько, что глаза разбегались, но бабушка, почему-то из всего этого богатства выбрала один батон, да и то, не самый красивый и отрезанную от каровая половинку чёрного. Папка купил чекушку водки, хотя набрать можно было всего что угодно. Такая неосмотрительность

Мишку удивила, он попытался высказать своё мнение:

– Папка, может больше хлеба взять, вдруг завтра не будет, не привезут?

Но тот засмеялся:

– Будет-будет, тут всегда привозят.

Может, можно было ещё привести какие-то аргументы в пользу покупки хлеба про запас, но тут Мишкино с братом внимание привлекли витрины и полки с конфетами. Казалось после такого изобилия булок, булочек и батонов удивить их уже нельзя, но такое... Мишка остолбенел. Конфет, печений, вафель и пряников, халвы и зефира было столько, что даже не возможно себе представить. От разнообразия и разноцветия зарябило в глазах, наверное, именно в этот момент он впервые понял, что Ленинград ему начинает нравиться. Осознав, что быстро всё это не съесть в мозгу созрело решение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.